СОКРАЩЕННОСТИ

достопамятныхъ произшествій,

Изъ сочиненія Господина д' Арно; названнаго имъ:

ЧТЕНІЕ ПО СЕРДЦУ ЧЕЛОВѢКА ЧУВСТВИТЕЛЬНАГО,

Изданнаго въ 1786, по соблаговоленію Королевскому.

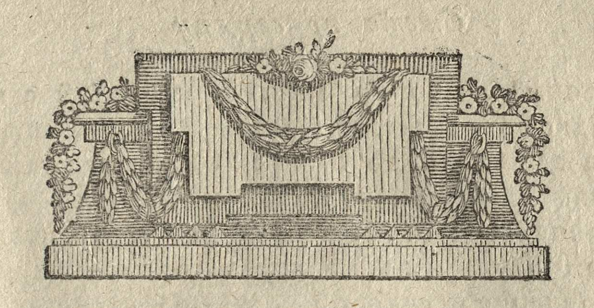

МѢСЯЦЪ АВГУСТЪ.

МОСКВА,
въ Сенатской Типографіи у В. Окорокова
1794 года.

С᾿ одобренія определенных᾿ Ценсоров᾿.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МѢСЯЦЪ АВГУСТЪ

Истинныя удовольствія.

Не всегда видимъ густыми облаками покрытое небо; не всегда слышимъ громовые удары. Нѣтъ, не одни только бѣдственныя и плачевныя нашествія составляютъ теченіе жизни человѣка . . . Такъ, другъ мой! Добродѣтели, коихъ цѣну не многіе вѣдаютъ, производятъ удовольствія далеко превосходныя предъ всякими удовольствіями чувственными. Благотворить ближнему, есть можетъ быть наивосхитительнѣйшее, доставляющее намъ часы, какихъ развѣ можемъ ожидать въ блаженной только вѣчности. Напоминанія какаго-нибудь добраго дѣла нашего, суть источники отрадъ . . . Побесѣдуемъ искреннѣ: ты уже, какъ весьма не правильно зовется, довольно жилъ на свѣтѣ, предавался скоро-протечнымъ прихотямъ

твоимъ, ибо въ мятежномъ мїрѣ семъ рѣдко опознаемо бываетъ владычество страстей надъ нами: одно уединенїе снимаетъ завѣсу мнимыхъ оныхъ приманчивостей .... Возразишъ ли: „ чѣмъ можно увѣрить меня, что не есть несравненное счастїе любить прекрасную женщину и отъ ней быть любиму? „ Отвѣчаю: не разумѣй меня даже до того держащимся правилъ Стоическихъ, чтобъ я возбранялъ естественныя наклонности, или точнѣе, хотѣлъ увѣчить самую природу, дѣлать человѣка какъ бы безобразнымъ только пнемъ безъ сучьевъ и вѣтвей. Очень я далекъ лишать наслажденїя, безъ котораго бы чувствительность его была излишня; а еще того точнѣе: изъ живаго его претворять въ мертвеца. Повторяю, станемъ говорить откровенно, инакоже другъ друга понимать не будемъ .... Снискать любовь красавицы лестно, доставляетъ то насъ сладостнымъ упоенїемъ. Но чувствованїе такое не должно ли уступать другому: когда тотъ же самый плѣняющїй насъ предметъ извлекается нами отъ бѣдствїй; когда у цѣлаго семейства онаго отремъ мы слезы, то же ли самое производитъ въ душѣ нашей, какъ естьли даемъ кусокъ только хлѣба умирающему съ голоду? ... Припомни, что ты чувствовалъ въ себѣ, оказавъ какое либо человѣколюбїе?

Мар-

. . . . Маршала Люксенбурга, при послѣднемъ уже издыханіи, утѣшали находившіися при немъ изчисленіями его побѣдъ и завоеваній. Онъ имъ на сіе : . . . . „ Друзья ! теперь пріятнѣе мнѣ приводить на мысль, что я напоилъ какагонибудь жаждущаго водою, нежели всѣ мои ратные успѣхи. „ То же ли самое чувствовалъ Великій *Александръ*, удостовѣряя *Сисикамбію*, *Даріеву* жену, что будетъ ей вмѣсто сына? Или что чувствовалъ *Тахмасъ Кулиханъ*, смотря съ высокаго зданія на разореніе столичнаго города Делли, на тысячи падавшихъ подъ его оружіемъ, и которые плавали въ собственной ихъ крови; на повсюдное пламя, пожиравшее всѣ онаго части; въ наступившую же по томъ ночь, насиловавшаго сестру страны сей Государя? . . . . Вникни ты самъ въ себя, и всеконечно признаешся, что удовольствіе сердца надъ удовольствіями чувствъ, какъ небо отъ земли.

„ Прекрасное Метафизическое поученіе; но мнѣній моихъ перемѣнить не „ могутъ. Ни когда не повѣрю, чтобъ „ чтить и удивляться цѣломудрію дѣ„ вицы ✿ ✿ ✿ было пріятнѣе, нежели „ изловить случай нарушить ея цѣло„ мудріе. Всѣ высокоставимыя тобою „ Философы, великіе мужи, соглашаюсь; „ но лутче буду слѣдовать тому, куда „ влечетъ меня сердце. „

„ Самъ ты себѣ противорѣчишъ: сердце твое знаю, оно добродѣтельно, а только испортили его злоупотребленія общества, въ которомъ обращаешся ты. Настанутъ, безъ сомнѣнія настанутъ дни, и увижу тебя самымъ жаркимъ послѣдователемъ правиламъ моимъ. „ Разговоръ сей имѣли *Вильмонъ* и *Сент-феликсъ*, пересказывавшій все оное мнѣ слово въ слово.

Послѣдній путешествуетъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ возвращается. Первые его шаги были къ *Вильмону*, прижимаетъ его къ груди и говоритъ: . . . . „ Приношу тебѣ сердце совсѣмъ иное, нежели съ какимъ тебя оставилъ. Надѣюсь, что не отринешъ уже меня имѣть ученикомъ твоимъ. „ . . . По обыкновенныхъ привѣтствіяхъ взаимно, друзья сіи уединяются подъ густое дерево на берегу рѣчки. *Сент-феликсъ* такъ начинаетъ: . . . . „ Разставшися съ тобою съ нравами моими развращенными, нужно мнѣ было проводить нѣсколько времени въ Дижонѣ. Тамъ спознакомился я съ богатымъ человѣкомъ, рѣдкихъ дарованій, пріятнымъ во обхожденіи и можно назвать красавцемъ. Имя ему *Лильменъ*. Скоро учинились мы не разлучны. Нѣсколько постарѣе былъ меня лѣтами, а потому и далъ я ему во всемъ первенство надо мною, слова

его

ево принималъ закономъ. „ Не книги, говаривалъ онъ часто мнѣ, не науки потребны въ жизни нашей; пустота ихъ и ни къ чему негодность доказываютъ опыты; хочу быть учителемъ твоимъ, слушай же и повинуйся. Услаждать чувства, есть первая должность въ кратковременянности нашей здѣсь на землѣ. Что пользы и выгоды ближняго ни что противу собственныхъ нашихъ пользъ и выгодъ, есть истинна не оспоримая. Надобно только умѣть казаться пекущимся о благѣ окружающихъ насъ; надобно, чтобъ языкъ ни когда не согласенъ былъ съ мыслями. Не будь скупъ на похвалы, возвышай ихъ сколько можно больше людямъ, которые тебѣ на что нибудь годятся: суть то сѣти, въ которыхъ вязнутъ охотно и скорѣе, нежели рыба въ неводахъ; нѣтъ глупѣе скотовъ, какъ дражайшїе наши подобные намъ. Бесѣдуя, съ кѣмъ бы то ни было, учащай произнесенїями пустозвонныхъ оныхъ выраженїй: добродѣтель, человѣчество, благотворенїе, чувствительность: великїе дѣлаютъ успѣхи, особливо же предъ женщинами; женщины чтобъ были главнѣйшїе предметы ко узнанїю свѣта. Не щади для нихъ восторговъ, кажись баснословнымъ, превозноси, что нравится имъ, дѣлайся удальцемъ и не стыдись лгать съ пользою для тебя только одного. Чѣмъ далѣе отступать

пать будешъ отъ чести и пристойности, тѣмъ наипаче вскружишъ имъ головы; выдавай, и самъ въ себѣ находи, что чистая любовь къ нимъ есть безумство; запечатлѣй въ умѣ твоемъ, что чувственныя только удовольствїя не химера. Все чтобъ было для насъ, а мы для себя только. Вотъ основанїе, на которомъ поставить тебѣ должно себя, и будешъ какъ гора посредѣ морскихъ волнъ. Жаль, что нѣтъ здѣсь такъ часто воспоминаемаго тобою *Вильмона*: разкрошилъ бы я Метафизику его въ самыя мѣлкїя крупины.,,

Вильмонъ не могъ удержаться и не молвить: . . . . ,, Какая развращенная душа! и ты попустилъ себя заразиться ею? ,, ... Такъ, но не мѣшай продолжать слава мои, послѣдуй только мысленно по стопамъ моимъ, и откроется, что свѣтъ заступитъ мѣсто мраковъ, коими былъ я объятъ.

Лильменъ казался мнѣ имѣющимъ умъ несравненно превосходнѣйшїй предъ моимъ: находилъ онъ меня робка, каковъ и дѣйствительно я былъ въ его присудствїи; бралъ на себя наиграть меня скоро, сдѣлать ловчѣе и развязаннѣе. Правда, въ душѣ моей противны мнѣ были правила его, признавался ему въ томъ. Вмѣсто досады смѣялся только

надо

надо мною, называлъ ребенкомъ. „ А! говорилъ, ты имѣешь чувствительное сердце! Прекрасное качество, поздравляю тебя съ тѣмъ другъ мой! Но ежели провѣдають люди, умѣющіе жить на свѣтѣ, навсегда послужишь для нихъ посмѣшищемъ. Простакъ! повинуйся только мнѣ во всемъ, да и слѣпо; инако же вездѣ будешь обруганъ. „

При всѣхъ наставленіяхъ подобныхъ, не находилъ я въ себѣ силъ заглушать внутренній нѣкій гласъ, опровергавшій правила *Лильмена*. Не задержу тебя, любезный *Вильмочъ*! безчисленными моими дурачествами: самаго себя превозмогая поступалъ я на все преподаванное учителемъ моимъ; но смятеніе и отвращеніе къ самому себѣ сопутствовали мнѣ всюду; мучился угрызеніями совѣсти, страшился оставаться одинъ, всегда искалъ свѣтскихъ разсѣяній, убѣгая самъ отъ себя; мчался за призраками счастія, достигалъ ихъ: но въ тотъ же мигъ удалялися они отъ меня. *Лильменъ* увърялъ, что наконецъ поимаю счастіе, водилъ меня изъ заблужденія въ заблужденіе, изъ ложностей въ ложности. Нѣчто, да и безпрестанно, внушало мнѣ, что дѣлаюсь не таковъ, какъ было должно; сладострастія и мнимыя забавы не ослѣпляли ни моего разсудка, ниже сердца . . . Касаюся теперь мину-

тамЪ, примирительницамЪ моимЪ съ тобою.

Дильменъ отправился со мною вмѣстѣ вЪ Бордо. Чрезъ нѣсколько дней по прибытїи нашемЪ туда сказываютЪ мнѣ, что какая-то женщина, не молодыхЪ лѣтЪ, видѣть меня хочетЪ. ВходитЪ она вЪ крайнемъ смущенїи, съ видомЪ великую печаль изъявляющимЪ, опустивъ глаза молчитЪ: . . . . „Сядьте сударыня! успокойтесь, соберитесь сЪ силами и дайте мнѣ знать, что вамЪ угодно? . . . . Собственно для меня не потрудила бы я васЪ моимЪ приходомЪ. Нищета, лютое исчезанїе, можно назвать, духЪ несчастливцовЪ, сестры моей и ея мужа предЪ послѣднимЪ издыханїемЪ, кЪ тому меня принудили. Но гдѣ возму слова ко открытїю причины моего явленїя предЪ вами! Состоянїе ихЪ ужасно; ни кто, ни кто даже и не мыслитЪ о помощи имЪ. Толикая крайность нудитЪ меня сдѣлать вамЪ предложенїе, предложенїе несносное мнѣ.. ... УнихЪ дочь единородная, осьмнатцати лѣтЪ, невинная, добродѣтельная, съ душею чистою . . . . Вы чужестранецЪ, безчестїе наше меньше будетЪ извѣстно. Боже! Всемилосердый Боже! До коликой гнусности сЪ бѣдными родителями своими доводится она!

При послѣднихЪ словахЪ закрыла лице, и не снимая покрывала означала

мнѣ

мнѣ жилище племянницы; означала часъ, когда могъ я притти къ ней, и ничего по томъ немедля съ рыданiемъ оставила меня, едва возмогши влачить ноги.

Альменъ входитъ ко мнѣ, чудится, что я въ задумчивости. Извѣщаю его о сдѣланномъ мнѣ посѣщенiи, и на какой конецъ, требую совѣта, что мнѣ дѣлать? Онъ захохотавъ произнесъ: . . . ,, И ты вѣришъ, что эта женщина говорила тебѣ правду? Слушай, дорогой мой новичокъ въ свѣтѣ! все насказанное ею тебѣ есть обычайной вымыслъ торговокъ продажными красотами, чтобъ заставить тебя купить у нихъ товаръ дороже. Однако сiе непрепятствуетъ увидѣться тебѣ съ дѣвкою; ежели она пригожа собою, воспользуйся, только берегись, чтобъ и она также, какъ самозванная ея тетка, не уловила тебя притворными слезами, и не остался бы ты даже и самъ себѣ смѣшонъ.,,

Помчался я въ назначенное мнѣ мѣсто, вхожу въ самую убогую хижину, вижу, мало назвать Ангела во плоти. Упадаютъ къ ногамъ моимъ, обнимаютъ колѣни, слезами ихъ обливаютъ, подъемлютъ обѣ руки, какъ бы моляся Самому Всевышнему: . . . Встаньте сударыня! Мнѣ приличнѣе лежать у ногъ твоихъ, повели-

те только, чѣмъ услужить могу..,,Милостивый государь! лутче смерть, дайте мнѣ ее, нежели лишенїе чести. Одна она у меня остается. (Плачь усугубился.) Такою-то только цѣною могу я продлить дни моихъ родителей!..... Ежели вы человѣкъ не наружностью, умилитесь надъ моимъ отчаянїемъ. Исполню не обходимое, но въ тотъ же мигъ паду мертва предъ тобою..... Стѣсненная рыданїемъ грудь едва даетъ ей силу по томъ продолжать:..... Отецъ и мать мои, подавляемые нищетою всекрайнею, отъ голоду умираютъ,, ...Далѣе говорить не можетъ, слезы и несносная горесть, какъ бы останoвляли коловращенїе всея крови.

Возчувствовалъ я всю силу красоты безпримѣрной. Какое зрѣлище, наипрекраснѣйшее творенїе Божїе страждетъ! Беру руку, трепещетъ она въ рукѣ моей; хочу поднять, но остается обемлющею мои ноги. Произношу:...., Ангелъ небесный! оставь положенїе столь неприличное тебѣ; дай мнѣ предъ тобою повергнуться, отложи всякой страхъ, вѣрь зрящему помышленїя мои, вѣрь, что не употреблю во зло твоего несчастїя: оно почтенїе только мое къ тебѣ извлекаетъ. Объ одномъ прошу, не возбрани мнѣ обожать тебя во всю мою жизнь; вѣрь, что прїемлю тебя добродѣтелью

воплощенною . . . . Дѣвица подняла голову, устремила на меня взоры, вѣщая сама себѣ: . . . . „ Не уже ли есть такой въ человѣкахъ? Полилися слезы, но примѣтно мнѣ было, что взимались совсѣмъ отъ инаго источника. Напослѣдокъ разверзилися ея уста: . . . . Рѣдкій, или точнѣе, единый во всемъ родѣ человѣческомъ! Прости мнѣ, что увѣреніями твоими, жизнь мнѣ дающими увѣреніями, еще успокоиться не смѣю . . . Отецъ мой изъ зажиточнаго торговаго человѣка несчастными приключеніями низверженъ въ самую ужасную нищету. Труды рукъ моихъ денно и нощно не избавили его отъ не большихъ долговъ. Въ свѣтѣ столь мало человѣколюбія, испытуемъ мы то на себѣ. Заимодавцы отняли у насъ даже до самыхъ мѣлочей домашнихъ. Родители мои во всемъ нуждаяся угрожаемы близкимъ концемъ, почти безъ всякія наималѣйшія и той помощи, которая дѣлается самою природою необходимостью. Продолжить жизнь, давшихъ мнѣ оную, принудила меня сестра матери моей поступить, какъ уже извѣстно тебѣ, на вѣчный срамъ мой, или ближе назвать, поднятіе рукъ моихъ на себя . . . . Отложи о безпристрастіи моемъ, безпредѣльной моей къ тебѣ и самой чистой любви сомнѣніе. Буду блюститель, а не хищникъ чести твоей; перемѣню состояніе

твоихъ

твоихъ родителей, отъ сего дня ни въ чемъ потребномъ не возъимѣютъ нужды; услуги мои имъ уподобятся непорочности души твоей.,,

Она хочетъ опять упасть къ ногамъ моимъ, но не допускаю; усиливается сдѣлать то.... ,, Не препятствуй мнѣ, Милостивый государь! сказала она, предъ тобою повергнуться, какъ предъ Ангеломъ моимъ хранителемъ.... Пойдемъ, Сударыня, къ родителямъ твоимъ, имъ нужна скорая помощь.

Нѣтъ, думаю, словъ ни въ какомъ языкѣ, которыми бы выразить можно, какая небесная радость разливалася въ груди моей. Пошли мы, не нарочно коснулася рука моя къ сердцу ея; въ какомъ было оно движеніи! Какимъ услажденіемъ наполнилась отъ того во мнѣ душа!... ,, Возможно ли, произнесла, что плачевное состояніе бѣдныхъ моихъ родителей къ жалости тебя объ нихъ преклонило? Возможно ли, чтобъ они могли найти въ тебѣ спасителя своего? ... Кромѣ самаго Бога кто иной, и чемъ воздадутъ тебѣ.

Въ самомъ узкомъ переулкѣ достигли мы жилища, коего едва ли хуже было во всемъ Бордо. Пустилъ я ее напередъ, остановился у дверей: слышу слова

дѣвицы: . . . . ,, Батюшка! Матушка! Привожу къ вамъ господина, изволяющаго помочь въ нищетѣ нашей; онъ знакомъ тетушкѣ. Старики вдругъ со удивленїемъ произносятъ: . . . . Господина? . . . . Не далъ я время говорить имъ далѣе, отворилъ двери, вижу водворенїе всекрайнѣй бѣдности; вижу мужа престарѣлаго въ рубищахъ, но видъ его проявлялъ сановитость и благородство: лежалъ онъ, почти уже умирающїй, на голыхъ доскахъ; подлѣ его сидѣла старуха въ слезахъ: налицѣ ея еще не совсѣмъ увяли остатки красоты: . . . . ,, Такъ, началъ я говорить имъ, приношу къ вамъ не большую помощь, которою стыдиться не будете; не я васъ, а вы меня обяжете, оную принявъ. Вѣрьте, что заслуживаю дружество ваше. ,, Старикъ примѣтилъ, что текли у меня слезы, не бралъ однако же кошелька съ пятьюдесятьми имперїалами; задумывается, молчитъ, глядитъ пристально на дочь свою. Наконецъ обратившъ взоры на меня, вопрошаетъ: . . . . ,, Съ какимъ намѣренїемъ, Государь мой! дѣлаетесь вы благотворителемъ нашимъ? ,, ... Чтобъ снискать почтенїе и дружбу вашу. Не попускайте себѣ мыслить, чтобъ въ малой сей услугѣ моей крылося какое нибудь уничиженїе для васъ и для меня . . . . Деньги у меня взяты; слышу слѣдующее: . . . . Вы называете малою

услугою

услугою; нѣтъ! Милосердый человѣкъ, ты даешъ жизнь горестному семейству, которое благословлять тебя не перестанетъ ни когда; которое ни когда не перестанетъ чтить тебя, какъ сущее подобіе Всевышняго. Сядьте, Милостивый государь! видите состояніе наше; Богу такъ угодно, съ благоговѣніемъ подвергаемся подъ карающую насъ руку его; мнѣ собственно не много уже остается часовъ до гроба, о женѣ и *Виргиніи*, (такъ звали дочь его) не осушаются мои глаза. Одного только желать остается мнѣ, чтобъ какъ наискорѣе кончился сонъ мой жизненной: лютъ, несносенъ онъ мнѣ.

Чтобъ дать имъ успокоиться и нетомить изліяніями благодарности, оставилъ я ихъ.

Лильменъ между тѣмъ уже возвратился домой; увидѣвъ радость на лицѣ моемъ, встрѣтилъ меня такъ: . . . . „ Добро пожаловать, господинъ побѣдитель! все въ тебѣ доказываетъ успѣхи твои . . . . Такъ, другъ мои! счастливѣе нѣтъ меня на свѣтѣ. напослѣдокъ вкушаю истинное удовольствіе. „ . . . . Разказываю ему все случившееся со мною подробно. Онъ выслушавъ съ оскорбительною для меня холодностію, произнесъ: . . . . „ Ребенокъ, самой ребенокъ.

Можешъ

Можешъ теперь славиться, что подобнаго тебѣ нѣтъ простофили. Какъ? Принимаешъ за правду грубо составленную ложь? Бѣдныкъ! Площадныя старухи, старикъ и дѣвка потаскуха могли тебя вывести изъ ума, затащить какъ сома въ вершу. Прекрасно, славное проявилъ дѣло, остается только жениться и оное съ концемъ. Заранѣе напрашиваюсь на свадьбу . . . . Не уже ли не понимаешъ, что значитъ тетка и прелестница твоя съ трепещущею своею рукою, съ своею плакливостію? Преизрядно; можно, очень можно называть тебя нарочитымъ романическимъ сочинителемъ, не перомъ, а на самомъ дѣйствіи; берусь написать похожденіе твое и пошлю въ типографію, презабавная будетъ сказка . . . Оставь дерзкія шутки, придетъ время, и узнаешъ, сколько ты несчастенъ . . . На большой ты дорогѣ, прослыть совершеннымъ вислоухомъ; въ наши дни пятнатцати-лѣтній мальчикъ не надѣлаетъ такихъ глупостей.

Мысли мои и чувствованія совсѣмъ имѣя не *Лильменозы*, спѣшу къ *Виргиніи* и ея родителямъ. Отецъ повергается предо мною, говоритъ: . . . . „ Снесите благоговѣніе мое какъ къ образцу благихъ человѣковъ, сердецъ чувствительныхъ. Сестра жены моей пересказала мнѣ все. До какія бездны срама доводила она старость мою. „

Увѣрилъ

Увѣрилъ я и успокоилъ его, что въ поступкѣ моей не помѣщалось съ моей стороны пристрастіе. На другой день входя въ хижину не засталъ дома старика, а вмѣсто того къ несказанному удивленію увидѣлъ *Лильмена.* Мать въ великомъ смущеніи бросилась ко мнѣ, вѣщаетъ: . . . . Безподобный милостивецъ нашъ! Этотъ молодой человѣкъ вошелъ къ намъ насильно, разобидѣлъ и разругалъ меня, пачеже бѣдную мою дочь, хотя мы съ нимъ совсѣмъ не знакомы . . . . Это ты *Лильменъ*, ты поступилъ на толикую наглость невзвиняемую! . . . . Мѣлкая душонка! всеконечно хочу сорвать съ глазъ твоихъ постыдное твое ослѣпленіе, да и докажу, что мнимая тобою невинность, хитрая только прелестница. Старуха зарыдавъ, обѣими руками обхватила дочь свою: послѣдняя долго была какъ бы безчувственна; наконецъ опомнясь говоритъ мнѣ: . . . . ,, Безчестный этотъ человѣкъ размучилъ насъ самыми язвительными насмѣшками надъ нищетою нашею,, ... Мать *Виргиніи*, прервавъ ея слова, воскликнула: . . . . ,, Ежели бы такъ посмѣлъ онъ обижать при мужѣ моемъ. ,, *Лильменъ* на сіе: . . . . ,, Такъ же бы точно отподчивалъ и его; не меня вамъ обмануть плутовствомъ вашимъ: проникаю умыслъ: тащили вы бѣдняка друга моего въ Церковь съ так-

такою же, какъ ты, притворщицею дочкою твоею: знайте же, не въ его состоитъ власти, дать кому-нибудь руку по тому, что онъ сосватанъ матерью своею и уже помолвленъ.,, *Виргинія* поблѣднѣла, не могла не выговорить сама себѣ:.... Помолвленъ уже?,,

Яростно взглянулъ я на *Лильмена*, слышитъ онъ отъ меня:....,, Какое имѣешъ право располагать рукою моею и сердцемъ? Родители мои могутъ принять намѣреніе, въ разсужденіи меня, какое угодно имъ; но тебѣ собственно нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до моего поведенія; тебѣ, развращенному человѣку, ставящему ни во что ругаться несчастіемъ ближняго и самою добродѣтелью.,,

Лильменъ, принявъ себя обиженнымъ, вызываетъ меня раздѣлаться. Соглашаюсь, дралися мы, далъ я ему легкую рану; разнимаютъ насъ, и съ сего часа рѣшился я перервать съ нимъ знакомство. Правда, въ дружеской откровенности съ нимъ бывъ, не утаилъ отъ него желаніе матери моей, женить меня на особѣ отъ знатныхъ и богатыхъ родителей, прекрасной собою. Сіе-то употребилъ онъ къ пораженію достойной *Виргиніи*. Должно признаться и въ томъ, самъ я точно не вѣдалъ, одно ли великодушіе и

жалость влекли душу мою къ последней, или любовь не преодолимая.

Прихожу опять въ домъ *Виргиніи*, порочу *Аильмена* за поступку его съ почтенным семействомъ симъ; даю знать, что навсегда съ нимъ разстался. Мать девицы отвечала, (ибо мужъ ея еще не возвратился): . . . . „ Какъ ни обижены мы съ дочерью моею симъ человекомъ, но то самое вразумило о должномъ для насъ. Въ тебе нашли мы лутчаго изъ всехъ человековъ; ты избавитель, спаситель, жизнодавецъ нашъ: доверши же достойное тебя. Доселе одарилися мы тобою безъ предосужденія чести нашей. Всякой день посещаешъ ты насъ: после наглости *Аильмена*, кто не будетъ вредно думать о дочери моей? „ Прерываю я речь старухи: . . . . „ Естьли бы и целый светъ получилъ такія мысли; естьли въ самой вещи чту и люблю я превосходнейшее Божіе твореніе, не ужели вы собственно и вашъ супругъ, приверженность мою къ вамъ можете принимать не позволенною? была бы то не справедливость наилютейшая . . . . Нетъ, любезный милостивецъ! все мы несомненно веримъ, что благоденянія твои производятся благородствомъ только и нежностію твоего сердца; но светъ есть всеобщій ценитель, всякъ

дол-

долженъ подвергаться его сужденiямъ. Мы на самомъ верьхѣ нищеты и злоключенiя; одна честь у насъ остается, умремъ сохраняя ее.,, Входитъ старикъ, жена его повторяетъ говоренное мнѣ: не только подтверждаетъ тоже самое, но съ жаромъ меня проситъ, не продолжать болѣе посѣщенiй моихъ. Слезы полились у меня потоками, возражаю:....
,,Но какая сила отыметъ у меня надежду лестную, сопринадлежать къ вашему семейству? Кто удержитъ отъ предложенiя руки моей добродѣтелной *Виргинiи*?,, Отецъ на сiе:.... Превыше то возможности твоей. Твое состоянiе, мать и родня твоя, долгъ мой къ тебѣ, полагаютъ вѣчную преграду. Почтенiе мое къ тебѣ такъ велико, что не стыжусь быть тобою помоществуемъ, однакоже безъ предосужденiя собственно и тебѣ.

Распростерши руки кидаюсь я на шею почтеннаго старика, говорю ему:...
,,Развѣ не довольно заплачены малые мои услуги благородною и нѣжною чувствительностiю вашею? Нѣтъ, нѣтъ въ свѣтѣ паче меня умѣющаго цѣнить ваши достоинства, боготворить нищету подавляющую примѣрное въ добродѣтеляхъ семейство.

Виргинiя утопала въ слезахъ; ничего я не забылъ къ убѣжденiю отца и

матери ея, чтобъ не лишали меня удовольствїя, ни съ чѣмъ не сравненнаго, часто бесѣдовать съ ними. Мужъ и жена у ногъ моихъ, заклинают исполнить ихъ волю. Выхожу отъ нихъ самъ не въ себѣ; несносная печаль внутренность мою раздирала. Въ комнатѣ моей лежитъ письмо: мать моя повелѣваетъ какъ наискорѣе поспѣшать къ ней; что дала уже она слово женить меня на извѣстной мнѣ дѣвицѣ. Вѣдаешъ *Вильмонъ*, сколь дорога мнѣ родившая меня. Долгъ влекъ меня повиноваться ея велѣнїю, сердце же влекло къ *Виргинїи* . . . . . Отчаянное положенїе! Бѣгу въ домъ послѣдней, говорю старикамъ: . . . „ Не оскорбитесь моимъ приходомъ, ибо въ послѣднїй то разъ. „

Виргинїя громко произнесла: . . . . „ Какъ! вы насъ оставляете? . . . Такъ сударыня! отъѣзжаю, но увозя съ собою вѣчное тебя обоженїе. Могу теперь обнажить душу предъ давшими тебѣ жизнь: добродѣтель твоя не можетъ тѣмъ оскорбиться. „ Обратясь я къ отцу ея продолжалъ: . . . . „ Отсудствїе не ослабитъ чувствованїй моихъ къ вамъ; лутчими имѣть буду радостьми поспѣшествовать благу родившихъ несравненную *Виргинїю*: свидѣтельства тому до самой смерти моей не пресѣкутся. „

Отъожу

. . . . Отвожу отца, наединѣ вручаю ему писменное укрѣпленіе на довольные доходы ежегодно. Онъ зоветъ жену и дочь :,, повергнемся со мною предъ человѣкомъ достойнымъ водворенія съ безплотными, пролїемъ источники благодарственныхъ слезъ, ибо словами изразить человѣчески не возможно.,, Кажетъ имъ бумагу, вразумляетъ о содержаніи. *Виргинія* крѣпко обхвативъ мои колѣни, мнѣ только слышнымъ голосомъ произноситъ: . . . . Не выйдешъ ни когда изъ сердца моего.,, Вырываюсь я изъ рукъ *Вигриніи*, хочу удалиться, да и навсегда; падаетъ она, лишается чувствъ; спѣшу съ помощїю къ ней. Открываетъ глаза, говоритъ:. . . . ,,Ни когда уже тебя не увижу !,,

Превозмогъ я самъ себя, бѣгу отъ мѣста, на которомъ осталось, что всего мнѣ милѣе. А! достойный другъ мой *Вильмонъ*! сколько самъ я себя тогда разумѣлъ выше, нежели когда - нибудь, сподобившися воздать должное несчастной красотѣ, умѣвъ снискать мзду, даемую только за добродѣтель самою же добродѣтелью.

Ни чего не медля пускаюся въ путь; прибылъ въ домъ родительской; радостныя слезы мочатъ грудь матери моей;

 откры-

открываюсь предъ нею во всемъ; вижу, что наполняю ея чистою радостью; повинуюсь волѣ ея; даю руку избранной ею раздѣлять дни мои; предузнаю, что скоро и сердце за рукою послѣдуетъ... Не *Виргинїя* она, но не раскается сочетавшись со мною. *Виргинїя*!.... Себя прежде забуду. Ты въ душѣ моей вѣчно; слабыя только услуги тебѣ по смерть мою, слабымъ же только останутся мнѣ союзомъ съ тобою.

Вильмонъ объемлетъ *Сент-Феликса*, вѣщаетъ ему:...,, Великость жертвы, принесенной тобою чести и добродѣтели, ни когда не пресѣчетъ наградъ, какихъ не оцѣненнѣе недано имѣть смертнымъ; познаешъ ясно, что добродѣтель не есть мечта, что услаждаетъ она далеко наипаче, нежели мгновенно только пороки, безконечное раскаянїе по себѣ влекущїе.

Бракъ *Сент-Феликса* совершился, мать его умножаетъ годовой доходъ *Виргинїи*, начинаетъ съ нею переписку дружественную, да и навсегда. *Виргинїя* Осиротѣла, удаляется свѣта, монашествуетъ: письма только отъ нея къ матери и сыну, отъ нихъ къ ней, привязываютъ ея къ живымъ.

Нечестивецъ *Лильменъ*, напослѣдокъ, умираетъ въ несносныхъ мученїяхъ отъ

болѣ-

болѣзни, развращенностьми его произведенной.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Маркиза * * * разумѣла благотворительство источникомъ чистѣйшихъ и самыхъ прочныхъ удовольствiй; день, въ которой исполнитъ оное, былъ праздникъ для нея. Не пропускала, ловила случаи къ тому. Помощи свои, снабдѣнiя къ немощнымъ и нищетствующимъ, сколько могла, отъ всѣхъ таила.

Провѣдала о старухѣ неимущей, безродной, безъ всякаго прибѣжища къ кому-либо, нуждающейся во всемъ, единымъ утѣшенiемъ въ тяжкомъ доживанiи вѣка своего имѣющей отрадою малинькаго песика: одно только животное сiе не вовся пустымъ для нея дѣлало весь мiръ.

Маркиза посѣщаетъ ея ни кѣмъ не бывъ провожаема, и надѣвъ на себя самую простую одежду, находитъ ее лежащею на голыхъ доскахъ, только что живу: собака лежала же подлѣ ней. Говоритъ ей: . . . „ Не могу ли въ чѣмъ-нибудь помочи тебѣ? . . . Милостивая государыня! перваго въ тебѣ вижу жалостливаго человѣка. Не нужно разсказывать

о состоянiи моемъ: мѣсто и видъ всего около меня оное доказываютъ. Не долго жить мнѣ остается. Объ одномъ только прошу, чтобъ дали мнѣ умереть здѣсь, а не потащили бы въ городскую больницу . . . . Будь увѣрена въ томъ, даю слово мое. Кому ты знакома? Кто не оставляетъ тебя, назови мнѣ именами? . . . Нѣкого назвать, отъ всѣхъ на свѣтѣ брошена и забыта; (указавъ на собаку) вотъ одинъ не разлучный мой собесѣдникъ чрезъ цѣлыя уже двенадцать лѣтъ.

Маркиза гладитъ пса, поправляетъ солому подъ старухою, дѣлаетъ изъ ней родъ сголовья, берется присылать все потребное для ея успокоенiя . . . „ Небезплотный ли посланникъ Божiй съ Небесе низшелъ ко мнѣ! . . . . Болѣзнь твоя скоро минуетъ, кажется мнѣ, при надлежащихъ попеченiяхъ; отъ сего часа не будешъ имѣть въ нихъ недостатка. (Кладетъ на скамейку подлѣ постели восемь имперiаловъ.) На перьвой случай возьми деньги сiи. „

Старуха слезами только отвѣчаетъ, языкъ ея онѣмѣлъ отъ благодарности. Человѣколюбица уходитъ. Въ тотъ же день не молодая уже дѣвка приноситъ въ хижину все нужное для больной и остае-

остается служить ей. Черезъ короткое время выздоровѣла; идетъ упасть къ ногамъ *Маркизы*, прислуживавшею ей освѣдомляется, что рѣдкая сія особа приказнымъ порядкомъ укрѣпила ей довольной доходъ на всю жизнь. Взглянувъ она на свою собаку, которая за нейже бѣжала, произнесла сама къ себѣ: . . „ Души вынять изъ тѣла не можно, съ какою бы радостію отдала за милосердіе столь безпримѣрное! Одна ты, тварь безсловесная въ моей власти: повергнуся, не встану отъ ногъ, доколѣ тебя, все мое имущество на свѣтѣ составляющую, не приметъ отъ меня въ даръ.

Въ самой вещи оное исполняетъ. *Маркиза*, чтобъ не оскорбить отказомъ, пріемлетъ даръ; но на условіи, чтобъ старуха перешла къ ней жить въ домъ и ходила бы за собакою.

УДОВЛЕТВОРЕНІЕ ДОСТОЙНОЕ ПОДРАЖАНІЯ

Религія, здравый разумъ и законовъ строгости, къ неизреченному удивленію еще не совсѣмъ могли изкоренить одинъ изъ самыхъ звѣрскихъ обычаевъ предковъ нашихъ. Хочу сказать о единоборствахъ между двумя, большею частію легкомысленно раздраженными одинъ противу другаго. Истинная храбрость не состоитъ ли только въ нещаженіи крови своей во славу Государя, за отечество? Что можетъ быть безразсуднѣе, какъ за одно только слово, за одинъ только иногда призракъ презрѣнія, даже неумышленностію произведенныя, претворяются друзья во враговъ непримиримыхъ, кровопійцъ взаимныхъ. *Эврибатъ*, предводитель союзнаго Греческаго Флота, подъемлетъ начальническій жезлъ свой на *Ѳемистокла*, дававшаго ему мудрые совѣты; младый Витязь свободнымъ духомъ отвѣчаетъ ему:.. „Ударяй, не преставая однако же выслушивать слова мои.„

Воззримъ на Сенатъ Римскій; помыслимъ, какъ великіе мужи, Державцы въ рукахъ своихъ жребія Вселенной, не оскорблялися низкими иногда выраженіями,

ями, вылетавшими изъ устъ во время споровъ за общее благо?

Два юные воины отъ благородныхъ родителей, испытанные храбрецы, снискавшїе уваженїе отъ всѣхъ, друзья неразлучные, ужиная вмѣстѣ сказали одинъ другому нѣчто досаднымъ показавшееся. Одинъ другаго вызываетъ на обычайную раздѣлку, развратно разумѣемую долгомъ между честными людьми. Назначено мѣсто, день и часъ. Мнимообиженный далеко хуже соперника своего умѣлъ биться на шпагахъ. Сразились. Первый, пылая гнѣвомъ, направляетъ желѣзо свое прямо въ грудь втораго. Сей отводитъ только оное, однако же, бывъ наступаемъ какъ бы отъ изступленнаго, не нарочно даетъ ему глубокую рану. Кровь полилась стремительно, упалъ, плавая въ ней произноситъ: . . ,, Праведно наказуюсь: опознаю несправедливость мою; возвращаю тебѣ дружество сердца моего, котораго ты толико достоинъ, люблю тебя еще больше, нежели до сего моего бѣшенства. ,,

Побѣдитель обнимаетъ его, мочитъ слезами и отзывается: . . . . ,, Возможно ли прямымъ и вѣчнымъ учителямъ чести доходить до толикаго сумазбродства? Великїй Боже! вижу себя обрызгана кровїю любезнаго друга моего. ,,

Ни

Ни что не забыто къ скорѣйшему уврачеванїю раненаго, выздоровѣлъ. Другъ его прерываетъ неразлучность свою съ нимъ, длившуюся чрезъ все время его болѣзни, оставляетъ службу, уединяется, пишетъ къ начальствовавшему тогда въ главномъ воинскомъ засѣданїи слѣдующее: . . „Отрицаюсь отъ званїя, въ которомъ ежечасно подверженъ былъ стать убїйцею даже и самымъ милѣйшихъ мнѣ. Всякой разъ, какъ скоро возъимѣетъ отчизна непрїятелей, ждать буду велѣнїя твоего, куда мнѣ явиться. Ихъ только, и они мою кровь проливать долженствуемъ: едва не лишилъ я жизни, образомъ такимъ, одного изъ лутчихъ друзей моихъ.

СИЛА

ПРИРОДЫ.

Аликсъ Бокеръ была единородная дочь Графа сего имени, пребогатая наслѣдница, въ близкомъ сродничествѣ съ Графами Тулузскими. День рожденїя ея былъ днемъ смерти ея родившей . . . . *Аликсъ* четырнатцати лѣтъ почувствовала уже, что есть у ней сердце; что наклоняется уже стремительно къ страсти

сти любовной; что одинъ изъ служителей въ домѣ отца ея, именемъ *Гугъ*, отчасу болѣе становится дорожѣ всѣхъ на свѣтѣ. Правда молодой сей человѣкъ имѣлъ всѣ природою даруемыя изящества, внутреннія и внѣшнія. *Гугъ* еще сильнѣе влюбляется въ *Аликсу*. Оба не медлятъ взаимнымъ открытіемъ того, тайный бракъ соединяетъ ихъ; одна только *Елеонора* отъ благородныхъ, но не имущихъ родителей произшедшая, избирается свидѣтельницею сочетанія сего.

Аликсъ уже мать; младенца воспитываетъ близъ замка бѣдная крестьянка вмѣстѣ съ собственнымъ ея сыномъ.

Графъ начинаетъ подозрѣвать не обычайно частыя прогулки дочерніи: ибо горячность матеренская не давала ей, невидавъ сына, пропускать ниже одного дни: призываетъ ее, говоритъ: . . . . ,, Вѣритьли мнѣ слухамъ не достойнымъ меня и тебя? Не ужели презрила ты власть родительскую; не ужели вижу въ тебѣ забывшую знатность породы, долгъ и честь? *Гугъ*,, ... *Гугъ*! ,, прерываетъ *Аликсъ* съ великимъ жаромъ, не причастенъ ни чему такому, чтобы могло прогнѣвать тебя. . . . Трепещи; злодѣй позорную получитъ казнь. ,,

Али-

Аликсъ падаетъ безчувственна. Пришедъ въ себя ищетъ *Гуга*, рыдая вѣщаетъ къ нему: ... Погибли мы! Отецъ мой подозрѣваетъ насъ! Боже! ежели узнаетъ, что я уже и мать!,,

Гугъ совѣтуетъ какъ наискорѣе удалить рожденнаго ими: ... ,, Мнѣ ежедневно не видѣть сына моего? Не вѣдаешъ же, возможно ли сіе матери.,,

Наконецъ убѣждена согласиться; удостовѣряетъ мужа, что отецъ ея не будетъ имѣть поводовъ подозрѣвать ихъ далѣе, и чего бы то ни стоило ея сердцу, сама себя преодолѣетъ.

Нѣкогда прохаживался Графъ, окруженный зависѣвшими отъ него; дочь его и *Гугъ* послѣдовали же за нимъ. Увидѣлъ онъ на берегу одного протока старуху съ младенцемъ на рукахъ: приказываетъ привести ея къ себѣ. *Аликсъ* вострепетала; застываетъ и останавляется кровь въ жилахъ *Гуга*. Приведена; Графъ велитъ одному отъ служителей бросить ребенка въ протокъ. *Аликсъ* бѣжитъ къ послѣднему разпростерши руки, противится исполненію родительскаго веленія: ..... ,, Что вижу!,, произнесъ Графъ.... (*Аликсъ*) ,, Это сынъ мой.. (Графъ),, Открылось смер-

смертоносное таинство. (Грозно воззрѣвъ онъ на служителя, приказываетъ истребить предметъ безчестїя своего и срама.) Младенецъ повержонъ, утопаетъ, *Аликсъ* и *Гугъ* уже въ протокѣ: онъ спасаетъ жену, она свое рожденїе.

Графъ увидя, что дочь его уже тонетъ, вдругъ премѣняется; всѣ находившїеся при немъ воздолженствовали избавлять гибнущихъ: избавлены, предъ Графскими ногами: объемлетъ онъ дочь съ прижатымъ къ сердцу ея младенцемъ: . . . . „Прощаю преступленїе, говоритъ дочери и *Гугу*: „ признаю бракъ вашъ законнымъ. (Взявъ младенца на руки продолжаетъ) тебя же, тварь невинная! не спущу ни когда съ груди моей.

КАКОЕ СЕРДЦЕ!

Начинаю описывать случившееся въ наши дни, всѣмъ извѣстное, славимое по всей Англїи.

Подростокъ, на котораго не могли наглядѣться родители его, рѣзвился съ сверстниками своими въ городѣ Бордо на берегу рѣки, споткнулся и упалъ въ нея. Отецъ и мать, жившїе близко,

извѣщаются въ тоже мгновенїе, прибѣгаютъ, видятъ рожденїе свое стремительно влекомое теченїемъ, даютъ не малые деньги, кто бы избавилъ отъ утопленїя: не сыскивается желатель; лишаются надежды . . . . Между смотрѣвшими на жалостное сїе зрѣлище, молодой Англичанинъ ни чего и ни кому не сказавъ бросается въ рѣку, не задолживъ времени раздѣванїемъ себя, плыветъ внизъ рѣки, достигаетъ погружавшагося уже . . . . Раздалися голоса по обѣимъ берегамъ: . . . . „ Слава Богу! спасъ, уже плыветъ назадъ, держа его надъ водою. „ . . . . Непосредственно послѣ услышано противное: . . . „ Утонули, оба утонули. „ Въ самой вещи невидно стало ни того ни другаго.

Чрезъ минуту появляется избавитель, плыветъ одною рукою, другоюже поднявъ спасеннаго имъ; уже у берега; множество рукъ вытаскиваютъ его на оный. Мать обѣихъ объемлетъ, внѣ себя отъ радости обѣихъ лобзаетъ, орошаетъ слезами: слова ея отъ пресильнаго рыданїя невнятны. Родня, знакомые утопавшаго, окружаютъ избавителя, не поставляютъ мѣры благодарности своей ему, ни чего не жалѣютъ къ его одаренїю. Англичанинъ со омоченными же глазами выговоривъ только: . . . . „ Я

долженъ благодарить Господа, что далъ мнѣ силы утѣшить почтенное семейство:,, поспѣшно удаляется.

Тщетно ищутъ его вездѣ, укрывается; все, что могли провѣдать, было только имя его: называется онъ *Гадлей*.

МЯТЕЖЪ ВО АНТIОХIИ.

Феодосiй великiй, послѣднiй Кесарь обоихъ Римовъ, ветхаго и новаго, по необходимымъ нуждамъ для пользъ государственныхъ возложилъ извѣстную во исторiи дань на подданныхъ. Велѣнiю его повинуется Сирiя кромѣ однихъ только Антiохiйцевъ. Городъ сего имени обширнѣйшiй, богатѣйшiй, великолѣпнѣйшiй во всей Азiи, разумѣлся въ тѣ времена главою оныя; раздѣлялся на четыре части обнесенныя крѣпкими стѣнами; жителей имѣлъ болѣе двухъ сотъ тысячь, которые составляли осьмнадцать особыхъ сословiй. Сверхъ того находилось безчисленное множество иностранцевъ отъ всѣхъ краевъ свѣта разныхъ вкусовъ и нравовъ. Воловое такое общество всегда было готово къ треволненiямъ.

Февраля 26, 387 года, ко Градоначальнику присланъ указъ Кесаревъ; рано

 утромъ

утромъ созываетъ онъ членовъ верховнаго Совѣта. Сіи, не дослушавъ читаннаго предъ ними, встаютъ съ мѣстъ, вопіютъ противу взысканія сверхъ силъ; утверждаютъ, что никакія вымучиванія, даже сокрушеніе костей, выліяніе всей крови изъ жилъ Гражданъ, не можетъ удовлѣтворить столь безчеловѣчное оныхъ подавленіе. Ропоты, стоны, крики, отчаяніе, прерываютъ засѣданіе; оставляютъ судилище; спѣшатъ на главную городскую площадь; сбрасываютъ одежды съ себя; стекаются жители отвсюду, бываютъ увѣдомляемы о полученномъ указѣ . . . Воздухъ наполняется воплями . . . . Вдругъ настаетъ глубокое молчаніе, подобно затихающему морю предъ бурею. Потомъ, подобно же морю при крѣпчайшемъ отъ часу вѣтрѣ, свирѣпѣютъ, бѣшенствуютъ. Одни бѣгутъ въ храмы, ломаютъ священные сосуды и всякія украшенія; другіе мчатся къ дому Архіепископа Флавіана, не обрѣтши же его въ ономъ, дѣлаютъ приступъ къ дому же Градоначальника, выбиваютъ врата, угрожаютъ его разтерзаніемъ. Невинной сей жертвѣ неистовства подвластныхъ удается укрыть себя. Чернь разсѣялась по улицамъ, кричитъ: . . . . „ Все гибнетъ! уничтожается Антіохія! „

Чужестранцы, всякаго рода сволочь, рабы, смѣшавшися посредѣ Гражданъ, участвуютъ въ мятежѣ; забываютъ должное Государю, поставленныхъ надъ ними и самое отечество. Изъ мѣди устроенныя изображенія: Кесарево, отца его великаго полководца, Ѳеодосія же именемъ, сыновей его Аркадія и Онорія, влачатъ по городу, раздробляютъ на самые мѣлкіе куски. Чрезмѣрность злодѣянія ужасаетъ и самыхъ преступниковъ, прячутся какъ бы поражаемые громами, сами не зная, гдѣ искать убѣжища.

Мятежъ умолкаетъ самъ собою, но не престаетъ вовсе. Зачинщики онаго идутъ къ жилищамъ вельможей, вѣрнымъ Государю, столпамъ отечества, которые принуждены были въ нихъ запереться. Градоначальникъ, мужъ храбрый, достойный сана своего, вооруженною рукою разгоняетъ извергов; множеству изъ нихъ налагаетъ узы.

Не должно умолчать праведныя хвалы матерямъ, женамъ и дщерямъ мятежниковъ: не только не заразилися всеобщимъ симъ буйствомъ отцевъ, мужей, братьевъ и дѣтей ихъ; но отваживая жизнь, всячески удерживали отъ того.

Подлость въ произшествіяхъ необычайныхъ наипаче суевѣрствуетъ. Разлилася

лилася молва, будто бы виденъ былъ во время самаго сильнѣйшаго народнаго волненія старикъ, исполину подобнаго роста, на конѣ; что потомъ превратился въ юношу, далѣе же въ младенца, наконецъ не взвидѣли его болѣе. Другая, что въ послѣднюю ночь предъ мятежемъ летала надъ городомъ гнуснаго вида старуха, ростомъ съ самую высокую въ городѣ башню, надъ всѣми улицами хлопала кнутомъ со звукомъ, какъ бы стрѣляла пушка . . . . Святый Іоаннъ Златоустъ, самовидецъ произшествія, пишетъ нѣгдѣ въ своихъ сочиненіяхъ, что діаволы не имѣли нужды казатеся тогда никакими страшилищами; ибо водворялись въ сердцахъ большей части Антіохійцевъ, раздувая въ нихъ пламя крамолы: свирепствовала оная отъ разсвѣта дневнаго до полудня.

Мятежъ утихъ, сіе правда; но на лицахъ всѣхъ показывалось только внѣшнее успокоеніе.

Отправлены гонцы ко двору; всѣ и каждый въ особенности судилъ себя заслужившимъ смерть; каждый оправдывается; каждый винитъ другаго. Христіане и язычники равно трепещутъ. Вездѣ стоны и плачь; вездѣ поразительное уныніе.... Городъ, изъ прекраснѣйшихъ на востокѣ, являетъ видъ

пусты-

пустыни ненаселенной; одни только видны были по площадямъ и улицамъ участки оруженосцевъ, влачившихъ преступниковъ въ тюрьмы.

Наступила ночь, наполняющая мысли всякаго висѣлицами, кострами уже зазженными, мѣстами казни: большая часть удумываетъ оставить отчизну, изображая уже оную пространнымъ кладьбищемъ. Богачи зарываютъ въ землю драгоцѣнности свои, чтобъ тѣмъ удобнѣе имъ было спасти жизнь.

Утренняя заря тѣснитъ стогны всякаго возраста и пола народомъ: едва угрозы ихъ удерживаютъ въ городѣ вельможей; нѣкоторые разсѣваются по горамъ и лѣсамъ, гдѣ многїе грабимы и умерщвляемы бываютъ отъ разбойниковъ. Струи рѣки Оранта кучами проносятъ чрезъ городъ человѣческїе трупы.

Чрезъ сутки послѣ началися различныя истязанїя главныхъ возмутителей. Плети о многихъ свинцовыхъ концахъ, тиски, въ смолу обмакнутая и зазженная пѣнька, словомъ, ничто не было забыто къ мученїю ихъ. Многїе невинные, вынужденными оговорами оклѣветанные, всклепывали на себя то, чего на мысли имъ не приходило. Отъ крика палачей, неумолкавшихъ пушекъ,

 преще-

прещеніи судей, разливался въ жилахъ всѣхъ и каждаго хладъ смертоносный; всѣ и каждый ожидали доносовъ на себя.... Какъ описать тогдашнее состояніе пола женскаго?.... Звернувшись въ фатахъ своихъ приползали къ ногамъ воиновъ; біяся головою о землю, умоляли ихъ о допускѣ внутрь лобнаго мѣста.... Слыша вопли отцевъ, мужей и сыновъ своихъ подъ руками палачей, сопровождали оныя же задушавшими ихъ рыданіями... Внѣшности терзалища сего были точное подобіе ада.

Допросы и пытки продолжались до глубокой ночи... Врата судилищной ограды отверзаются; исходятъ при освѣщеніи факельномъ, между двухъ рядовъ вооруженныхъ ратныхъ людей, знатнѣйшіе граждане въ оковахъ; едва влачатся отъ изнеможенія принять смерть предъ глазами согражданъ.

Пять дней за симъ происходило самое то же. Множество погублено мечемъ, огнемъ и звѣрьми разтерзано; не пощажены даже и младенцы.

Антіохія была доселѣ водвореніе забавъ и всякаго рода удовольствій. Столь лютый, а притомъ и незапный переворотъ; столь превыше силъ человѣческихъ бѣдствіе учинило ее юдолію

плаче

плачевною. Вмѣсто непрерывавшихся никогда игрѣ, пиршествѣ, пѣній, соблазнительныхъ плясокъ, шумныхъ сходбищъ, всѣ и каждый молитвословитъ, отъ единыя только десницы Всемогущаго ожидая спасенія; повсюду видимы только знаки пораженія и отчаянія. Христіане, составлявшіе половину жителей, каются во грѣхахъ предъ всѣми; язычники кладутъ на себя обѣты лжебожкамъ своимъ не впадать никогда и ни во что порочное. Опустѣли общественныя зрѣлища, изъ церквей и капищъ не выходитъ никто: весь городъ уподобился монастырю.

Въ осьмый день доходятъ слухи, что посланные ко двору гонцы съ донесеніемъ о мятежѣ уже ближатся. Отъ мала до велика стекаются предъ Архіепископа *Флавіана*, мужа жизни святыя, уважаемаго Кесаремъ самимъ; умоляютъ его ходатайствовать за нихъ . . . . Ни глубокое престарѣніе, ни дряхлость всекрайняя, ни трудности далекаго пути въ суровѣйшее и дождливое годовое время, ниже сестра на смертномъ одрѣ лежавшая, не удерживаютъ его. Рѣшиться или умереть, или преклонить Кесаря къ помилованію словеснаго его стада.

Отъ *Феодосія* между тѣмъ присланы нарочные, Гелебикъ и Кесаріи, съ

повелѣнїемъ не оставить ниже одного человѣка жива; городъ сожещи, развѣять пепелъ по воздуху; все мѣсто пожарища такого вспахать и засѣять хлѣбомъ.

Не долго успокоеваются отъ путеваго утомленїя; выѣзжаютъ на коняхъ провождаемые тьмочисленнымъ воинствомъ исполнять Кесарево велѣнїе.... Тысячи, въ раздранныхъ рубищахъ, съ мертвою блѣдностїю на лицахъ, паче похожїе на воставшихъ отъ гробовъ, окружаютъ ихъ; остановляютъ.... Были то пустынножители окрестныхъ горъ и дебрей Антїохїйскихъ, истинные тогдашнихъ временъ Философы христїанскїе. Одинъ изъ нихъ произноситъ къ нимъ: .... „ Владычествуетъ нами Государь Христїанинъ, полный благоговѣнїя ко Господу; не отринетъ онъ нашего моленїя; не покараетъ града совершеннымъ онаго истребленїемъ. Вы, присланные отъ его лица, вѣдайте, что не допустимъ васъ омочить рукъ вашихъ въ крови братїи нашей, развѣ насъ прежде всѣхъ лишите жизни. И такъ помедлите мучительствомъ; пождите насъ образно; всѣ мы идемъ упасть къ стопамъ Феодосїя въ твердомъ уповании на Бога, Двигателя сердцами вѣнценосцевъ, что даруетъ пощаду. „

Подвигоположники сїи воинами прогоняются, послы Кесаревы шествїе продолжа-

должаютъ . . . . Старецъ , коего внѣшность изображала нищету, молорослый, едва съ прикрытою нагошою , ухвативъ одною рукою Гелебика , другою Кесарія за епанчи , голосомъ грознымъ повелѣваетъ имъ сойти съ коней. Раздражася они толикою дерзостію , изрѣкли къ послѣдовавшимъ за ними : . . . . „ Да вкуситъ смерть неистовецъ сей. „ Но узнаютъ, что то былъ Македоній . . . . Однимъ почтеннымъ именемъ его ужасаются. За многіе уже предтѣмъ годы уединенствовалъ онъ на вершинѣ высокой и неприступной горѣ Сиріи , моляся Господу денно и нощно. По неслыханной строгости жизни его называемъ былъ „ Критофагомъ „ ибо пища его состояла въ одной только водою помоченной ячменной мукѣ : отъ всего Востока разумѣлся человѣкомъ по сердцу Божію. . . . . Гелебикъ и Кесарій повергаются предъ нимъ , просятъ, дабы непрепятствовалъ исполненію Кесаревой воли. Македоній отвѣчаетъ : . . . . „ Возвратитеся къ пославшему васъ ; скажите ему, что онъ не только Кесарь , но и человѣкъ владычествующій надъ человѣками же одного съ нимъ естества ; что человѣкъ созданъ по подобію Божію. Не преступленіе ли же противу Всевышняго истреблять его подобіе на землѣ ? Не оскорбляя Творца, возможно ли карать его творенія ? Антіохійсцы преобидѣли

Кесаря, сокрушивъ истуканы его и его единокровныхъ; но изображенія сіи были вещества безсловесныя, а ему даны отъ Господа жизнь и разсудокъ. Двадцать точно такихъ же истукановъ воздвигнутся непремѣнно; естьли же истребитъ Антіохійцевъ, вопросите его, силенъ ли создать вновь единый власъ главы человѣческой?„

Слова безграмотнаго Македонія исторгаютъ обѣщаніе, что донесутъ объ оныхъ Кесарю, и до новѣйшаго его повелѣнія удержится караніе города.

Гелебикъ и Кесарій не знали, что дѣлать имъ. Съ одной стороны страшилися не исполнить въ точности велѣнное, съ другой предстояла опасность; ибо повсюдную видѣли готовость разломать тюрьмы, вооружить узниковъ, и съ ними совокупно ополчася, въ началѣ ихъ самихъ, а потомъ все воинство, всѣхъ безъ изъятія удовлѣтворителей гнѣва Феодосіева, казнить смертію. Возвращаются. Предъ вратами замка, гдѣ обиталъ Градоначальникъ и гдѣ находилось верховное судилище, были встрѣчены многими Епископами Сирійскими; повергшись послѣдніе предъ ихъ конями, велегласно произносили: . . . „ Или растопчите насъ, или дайте жизнь и свободу держимымъ вами подъ стра-

стражею. „ . . Принуждено было согласиться. Положили между собою, чтобъ Кесарїй тогда же отправился въ Константинополь; Гелебику же ожидать, что предпишетъ съ нимъ Феодосїй.

Узники выведены изъ тюремъ въ нѣкоторое пространное зданїе, украшенное строевымъ искусствомъ, окруженное садами, гдѣ хотя и въ оковахъ, но даны имъ были всякїя жизненныя успокоенїя.

Далекїй путь къ царствующему граду, ко всеобщему невѣроятїю оканчиваетъ Кесарїй въ шестый день. Почти никакого не имѣя сопутствїя при себѣ, въѣздъ его не былъ примѣченъ. Тотъ же часъ представляется Кесарю, вручаетъ ему полное описанїе случившагося во Антїохїи; не забыты были монахи и слова Македонїя. По прочтенїи бумаги кидается къ стопамъ Государя, съ плачемъ изображаетъ ему состоянїе Антїохїи . . . *Феодосїй* не можетъ удержать слезъ: преклоняется къ сожалѣнїю; но гнѣвъ еще противоборствуетъ тому.

Архїепископъ Флавїанъ прибылъ за восемь дней до *Кесарїя*, но не посмѣлъ еще явиться у двора. Послѣднїй испрашиваетъ ему допускъ, входитъ, останавляется при дверяхъ чертога, опустивъ голову;

голову; уста его не разверзаются, какъ бы преступленїя всѣхъ духовныя его паствы лежали на немъ одномъ. Кесарь идетъ къ нему, кратко изчитаетъ благодѣянїя свои ко Антїохїи, кончивъ сими словами: . . . „ Такое то мнѣ воздаянїе за оное все? „ *Флавїанъ*, глубоко вздохнувъ, рыданїями прерываемыми голосъ вѣщаетъ:

„ Государь! несчастный городъ нашъ милостей твоихъ къ себѣ имѣлъ безчисленное множество; что дѣлало славу его, то нынѣ производитъ ему стыдъ, поношенїе и скорбь . . . Раззори его до основанїя; обрати въ пепелъ, посѣки мечемъ твоимъ даже до младенцевъ его; заслуживаетъ сїе всѣ концы земные, ужаснутся казни и рѣкутъ, что тѣмъ не довольно еще наказуемся за нашу неблагодарность. Сами довели мы себя до злоключенїя, каковаго быти болѣе не можетъ: подъ гнѣвомъ твоимъ, слѣдовательно предметъ омерзѣнїя всѣхъ земнородныхъ, всю вселенную мы оскорбили оскорбивъ тебя, Государь! Она паче тебя на насъ возстаетъ. Единое остается уврачеванїе золъ нашихъ, ежели восхощеши подражать тому, коего ты наисходнѣйшїй есть образъ. Вседержитель, прогнѣванный тварьми своими, отверзаетъ имъ небеса. Воздолженствуемъ тебѣ единому спасенїемъ на-

нашимъ; пріумножишь ты славы твои славою новою: злодѣйствами нашими возложишь на себя Діадему паче сіяющую, нежели коею украсилъ главу твою Граціанъ, ибо отъ добродѣтели токмо твоей возъимѣемъ ее . . . . Изваянія твои и твоихъ сокрушены, о сколь легко тебѣ возстановить драгоцѣннѣйшія несравненно! Будутъ невоступаны нѣмые и скудельные, непреданные на площадяхъ суровостямъ воздуха, ѣдкостямъ временъ; будутъ рукотворенія твоея благости, столь же безсмертные какъ и самая добродѣтель; помѣстятся не на стогнахъ, а въ сердцахъ Антіохійцевъ; столько воздвигнешь памятниковъ по себѣ, сколько есть человѣковъ на земли и сколько оныхъ будетъ до скончанія міра . . . . Подвиги военоносные, сокровища, разпространенія Имперіи, не доставляютъ скипродержцевъ толико чистою славою и честію какъ благосердіе и кротость ихъ . . . Напомни преступленіе мятежниковъ противу образовъ Константина; напомни преклоненія его отъ близкихъ къ нему людей ко мщенію, и како онъ коснувшися перстомъ чела своего отвѣчалъ имъ словами сими: „ но я не раненъ . . . . „ Большая часть многочисленныхъ побѣдъ знаменитѣйшаго сего обладателя уже забыта; но изрѣченіе сіе пережило трофеи его; прострется даже до по-

позднѣйшихъ потомковъ; производить будетъ ему вѣчныя похвалы, вѣчныя благословенїя всѣхъ человѣковъ... Не нужны тебѣ, Государь! чужестранные примѣры, довольно тебѣ одного тебя. Приведи на мысль вздохъ твой предъ наступленїемъ Пасхи; освобождая узниковъ, ты изрекъ: ... „ О! ежели бы могъ я и мертвыхъ воскресить! „ ... Днесь можеши сїе: Антїохїя ничто уже иное какъ кладбище; жители ея мертвые трупы предъ заслуженною ими казнїю: единое слово твое оживитъ ихъ, невѣрные возопїютъ: ... „ Великъ Богъ Христїанскїй! изъ человѣкъ творитъ Ангелами, освобождаетъ отъ мучительства природы. „ ... Не мни, чтобъ ненаказанность таковая развратила прочїе грады твои: увы! состоянїе наше ужасъ только и омерзѣнїе къ намъ производитъ... Въ трепетѣ безпрерывномъ каждую нощь разумѣя послѣднею въ жизни, каждый день днемъ казни нашей; бѣгствуя въ пустыняхъ и служа въ оныхъ пищею зверемъ, кроюся по пещерамъ и разсѣдинамъ каменныхъ горъ, суть мы проявы наиплачевнѣйшаго жребїя въ человѣцѣхъ... Покарай *Антїохїю*, какъ покаралъ самъ Господь Ниневїю: злодѣйства наши загладй прощенїемъ; уничтожъ и память грѣха нашего предъ тобою; присовокупи къ любви нашей благодарность

ность къ тебѣ. . . . Ничего не стоитъ тебѣ сожещи домы, разломать стѣны, башни и всякія общественныя зданія: но преобратить мятежниковъ въ подданныхъ наивѣрнѣйшихъ, наиусерднѣйшихъ, есть дѣло божественныя добродѣтели. Одно слово твое доставитъ тебя побѣдою несравненною ни съ какою иною; преклонитъ къ тебѣ сердца не только Антіохійцевъ, но и всего рода человѣческаго. . . . . Какое же получишь и воздаяніе отъ Всевѣчнаго! Достойно наградитъ тебя Онъ не только за милосердіе толикое, но и за все, что производить будетъ примѣръ таковый въ самодержцахъ послѣдующихъ вѣковъ . . . Великій государь! не устыдися послушаться старика дряхлаго, умѣя ты противу стоять прошеніямъ наихрабрѣйшихъ твоихъ чиновниковъ: не мнѣ послушаніе окажеши, а самому Царю Царей, во имя коего предстою тебѣ со Святымъ Его Евангеліемъ въ рукѣ. Се словеса Его: . . . . „ Аще отпущаете, что имате на кого:(*) и отецъ вашъ, иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша. . . „ Изобрази себѣ страшный оный день, въ который Царіе и ихъ подданные станутъ предъ судъ Божій; помысли, что тогда всѣ твои прегрѣшенія отпустятся за пощаду

(*) Марка глава 11, зачало 57, стихъ 25.

пощаду бѣдныя твоея *Антїохїи* . . . . . Услышу ли теперь милость сїю отъ тебя, возвращуся въ градъ сей ликуя; возвратившися же начну и никогда не престану со всею паствою моею превозносить и благословлять Божїе и твое милосердїе: инако же не увижу онаго, отъиду далеко, скроюся въ какомъ нибудь провалѣ земномъ, погребу тамъ вмѣстѣ со мною стыдъ мой и терзанїе сердца; поиду проливать слезы предъ Господемъ до послѣдняго моего издыханїя, оплакивать несчастный городъ, учинившїй неутолимымъ противу себя на ичеловѣколюбнѣйшаго, наикротчайщаго изъ Самодержцевъ.,,

Феодосїй, слушая старца сего, великое дѣлалъ себѣ насилїе удерживать слезы; напослѣдокъ силъ его не достало, омочилось оными его лице, произнесъ: . . ,, Какъ возможно отказать прощенїя подобнымъ мнѣ человѣкамъ, егда Создатель нашъ, Владыко мїра, принималъ зракъ рабїи; егда самъ Онъ молилъ Отца Небеснаго простить убїйцовъ его, ущедренныхъ толикими его благодѣянїями?,,

Флавїанъ не вмѣщаетъ обрадованїя; у ногъ Кесаревыхъ проситъ, дабы позволилъ ему остаться въ Константинополѣ соторжествовать съ нимъ день Пасхи. *Феодосїй* отвѣчалъ: . . ,, Нѣтъ, отецъ мой!

мой! поспѣши къ словесному твоему стаду даровать оному благоденствіе. *Антіохія* не прежде совершенно успокоится, какъ увидѣвъ предъ глазами своими толико достойнаго кормчаго Христовой Церкви. „

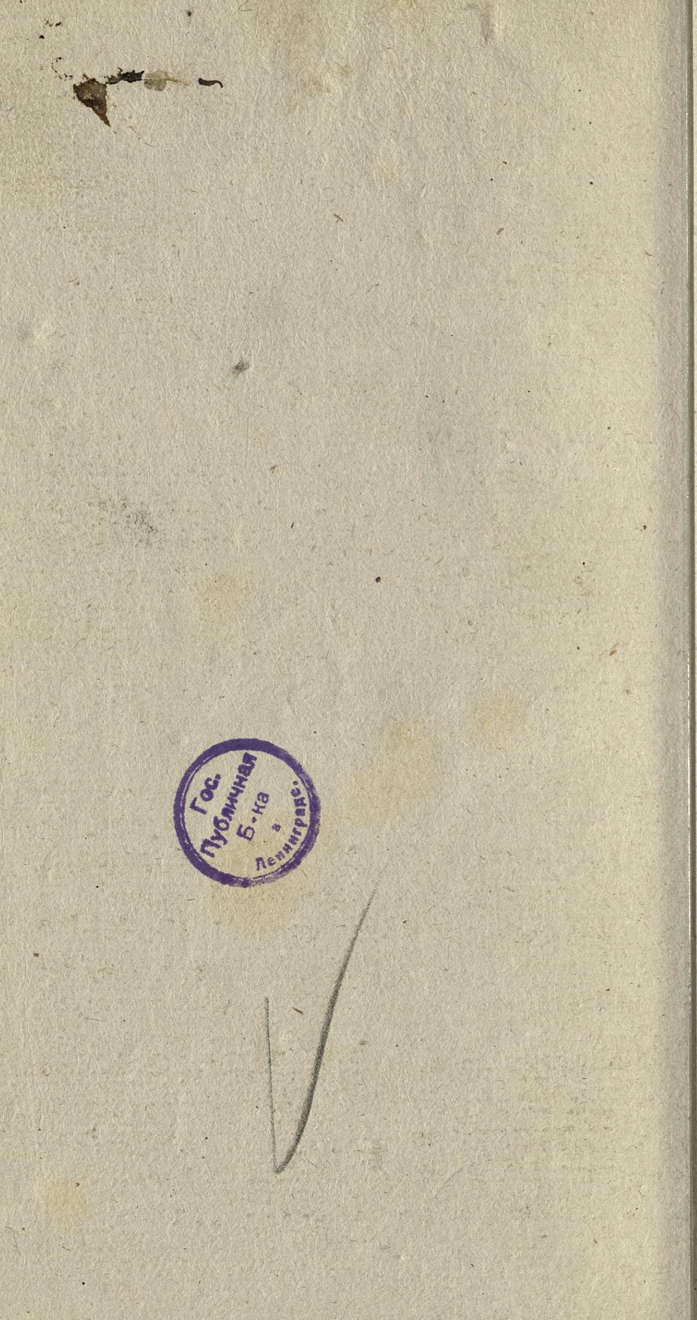
Флавіанъ, не щадя себя, какъ ни усиливался скорѣе прибыть къ своимъ, однако же посланные отъ двора съ милостью *Кесаревою* упредили его. Прибыли они ночью. *Гелебикъ* съ нетерпѣніемъ ждетъ дневнаго разсвѣта; на утренней зарѣ уже онъ въ судилищѣ; провозглашается неожиданная радость городу; даже до младенца стекаются, тѣснятся, окружаютъ посланца Царева; радостныя клики наполняютъ мѣста, которыя орошалися предъ тѣмъ кровавыми слезами; похвалы и благословенія милостидавцу не прерываются . . . . . *Гелебикъ* повелѣлъ замолчать всѣмъ. Прочитывается писаніе Феодосіево; болѣе умиленія, нежели укоризнъ прямо отеческихъ, и сожалѣніе оказненныхъ уже чиновниковъ Антіохійскихъ, оное въ себѣ вмѣщало.

Городъ, сбъятый отчаяніемъ и ожиданіемъ мучительныя смерти всѣмъ и каждому изъ жителей, вдругъ преображенъ сталъ милосердіемъ великаго Государя въ торжествующій сонмъ; возъ-

играли всѣхъ сердца, пролилися рѣки ему благодарныхъ слезъ; многихъ тысящь молитвословія къ небесамъ о немъ услышаны по странѣ далеко, промчались во всѣ предѣлы земные.

Тако кончился мятежъ, который бы по видамъ политическимъ примѣрно и наистрожайше наказать было должно; но Божеское провидѣніе предоставило случай вѣчно прославиться Богоподобіемъ таковымъ *Феодосію*, чрезъ прощеніе заслуживших праведное отъ него наказаніе

КОНЕЦЪ АВГУСТА.

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде.

138
3021-1794